

К 110-Й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ: С.Л. РУБИНШТЕЙН И С.Л. ФРАНК*

© 1999 г. А. В. Брушлинский

Член-корр. РАН, директор Института психологии, РАН, Москва

Впервые начато систематическое сопоставление теорий Рубинштейна и Франка. Показано, что они глубоко раскрывали специфику человеческой психики, но делали это по-разному: Франк с позиций платонизма, Рубинштейн с позиций субъектно-деятельностной концепции. Проанализировано соотношение антипсихологизма (платонизма) и психологизма в сопоставлении с теорией “третьего мира” К. Поппера.

Ключевые слова: субъект, деятельность, психология и логика мышления.

Сергей Леонидович Рубинштейн (1889–1960) – выдающийся психолог и философ – открыл принципиально новые и по-прежнему весьма перспективные пути развития для психологической науки и философии. В XX столетии именно он стал основоположником наиболее глубоко разработанной философско-психологической теории *деятельности*. Это субъектно-деятельностная концепция, созданная им (начиная с 1910–1920 гг.) и теперь развиваемая дальше некоторыми из его учеников и последователей [1, 2, 4–6, 11, 13, 15–19]. Рубинштейн – автор первой в СССР оригинальной *онтологии* [17, 18] и философской *антропологии* [18], с позиций которых он принципиально по-новому разработал теории человека, свободы, субъекта и объекта, субъективного, объективного и идеального, психического и физиологического.

На основе своей целостной, системной концепции Рубинштейн создал новаторские теории личности, мышления как деятельности и как процесса, эмоций, воли, памяти, речи и т.д. И все это сделано в русле его общепсихологического принципа *детерминизма*: внешние причины действуют только через внутренние условия, составляющие основание развития [16–19].

Он первым из отечественных психологов получил Государственную премию (1942 г.) и был избран в Академию наук СССР (в 1943 г. в качестве члена-корреспондента); в 1942 г. основал кафедру (и затем Отделение) психологии в МГУ; в 1945 г. создал первую в Академии наук СССР психологическую лабораторию (Сектор психологии в Институте философии), вошедшую потом в состав академического Института психологии, организованного в 1971 г. Б.Ф. Ломовым; написал первый и пока единственный в нашей стране мо-

нографический учебник по психологии для университетов (“Основы общей психологии”, 1940, 1946, 1989, 1998).

В 1948–1953 гг. он был объявлен в психологии первым и главным космополитом (антипатриотом) и снят со всех постов. Лишь после смерти Сталина постепенно восстановлен в правах. В 1956 г. опять назначен заведующим Сектором психологии академического Института философии. Но снова заведовать кафедрой и Отделением психологии МГУ ему уже не разрешили.

Таким образом, Рубинштейн принадлежит к числу очень немногих в XX в. ученых-новаторов, в высшей степени профессионально сочетающих в одном лице философа и психолога, доктора философии Марбургского университета (1913 г.) и доктора педагогических наук по психологии Ленинградского государственного пединститута им. А.И. Герцена (1937 г.). Естественно, что в его научном творчестве органично объединялись в одну систему философия и психология. Разрабатывая свою оригинальную философскую концепцию, он на ее основе начал преобразовывать психологию, находившуюся в первой трети XX в. в состоянии глубокого *методологического кризиса* (о котором писали С.Л. Франк, К. Бюлер, М.Я. Басов, Л.С. Выготский и многие другие психологи). И тем самым Рубинштейн развивал дальше философию на путях методологического обобщения лучших *достижений* теоретической и экспериментальной психологии и смежных с ней наук.

Это была *настоящая*, высокопрофессиональная философия, преодолевающая односторонности и идеализма, и материализма и принципиально отличающаяся от той примитивной официальной советской “философии”, которую насильно навязывали нашей интеллигенции при Сталине (начиная с 1930–1931 гг.). Однако в 1930–1950-е гг.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (код проекта № 98-06-08082).

Рубинштейн мог называть свою оригинальную философскую систему, конечно, только диалектическим материализмом, т.е. тем же термином, которым обозначалась именно вышеуказанная официальная “философия”, постепенно преодолемая после смерти Сталина многими профессиональными философами [6, 13]. Отсюда идет неизбежная теперь печальная двусмысленность данного термина, одновременно характеризующего и 1) весьма примитивную, и 2) несовместимую с ней подлинную новаторскую философию. Эта двусмысленность издавна не учитывается многими зарубежными психологами и философами, для которых диалектический материализм означает лишь нечто абсолютно неприемлемое (иногда даже чуть ли не фашизм). А теперь и наша молодежь далеко не всегда понимает, что данный термин вынужденно использовался для самоидентификации и самоутверждения теми немногими советскими специалистами, которые в условиях философского бескультурия осмеливались сохранять и развивать лучшие традиции мировой высокопрофессиональной философии [13].

Принадлежа к этим немногим, Рубинштейн своими трудами в значительной степени реформировал философию и психологию в их единстве. Вот почему некоторые специалисты издавна называли его автором *философской психологии*. Сам он избегал этого термина, предпочитая использовать более точные понятия: философские основы психологии, философские корни экспериментальной психологии, психологическая теория и т.д. [16]. Главное для него – концептуальная системность методологии, философии, психологической теории, эксперимента и практики.

В строгом смысле слова не может быть философской психологии, философской физики, биологии и т.д., поскольку философия и наука при всей их неразрывной взаимосвязи принципиально отличаются друг от друга и поэтому не заменяют одна другую. Но *философия психологии* может быть и действительно существует (см., например, [10, 24]) в смысле философских и методологических оснований психологии (и других наук), философского анализа проблем психологии и т.д. Тем не менее некоторые специалисты сознательно и широко используют термин “философская психология”. К их числу относится один из крупнейших представителей русской религиозной философии Семен Людвигович Франк (1877–1959) – старший современник Рубинштейна [7, 8, 20–23].

Едва ли они могли встречаться друг с другом, поскольку в 1922 г. С.Л. Франк вместе с Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, И.А. Ильиным, Н.О. Лосским, П.А. Сорокиным и другими нашими мыслителями был выслан на “философском” пароходе из Советской России. 31 августа 1922 г. большевистская газета “Правда” опубликовала по этому

поводу статью “Первое предупреждение”. В ней говорилось, что “определенные слои буржуазной интеллигенции не примирились с советской властью” и пытались сохранить “опорные пункты” антисоветской деятельности. Этими пунктами были высшая школа, публицистика, художественная литература, философия, медицина, сельскохозяйственная наука, кооперация. Так обосновывалось решение о высылке за границу “160 наиболее активных буржуазных идеологов”. Их книги (прежние и будущие) были изъяты из научного оборота и в лучшем случае находились в “спецхране”. Лишь в конце горбачевской “перестройки” (с 1989 г.) по решению Политбюро ЦК КПСС их произведения начали публиковать партийное издательство “Правда”, а затем и другие издательства. Так работы Франка и его коллег вернулись наконец на Родину.

Для обсуждаемой здесь философско-психологической проблематики особенно важна прежде всего книга Франка “Душа человека. Опыт введения в философскую психологию”, впервые изданная в Петрограде летом 1917 г. (а перед тем в 1916 г. в “Записках” петроградского университета). Автор противопоставляет свою философскую психологию (называемую им иногда теоретической) психологии эмпирической, которая, по его словам, объявила себя “психологией без души” [23, с. 6]. В принципе он готов признать, что сама идея опытного психологического знания – при глубоком понимании “опыта” – является ценным достижением XIX в. по сравнению с господствовавшей в XVII–XVIII вв. в этой области бесплодной рационалистической схоластикой. Однако Франк резко критикует современную ему эмпирическую, а также экспериментальную психологию за то, что они изъяли из предмета своего исследования душу и изучали только так называемые душевные явления, оторванные от их внутренней почвы и рассматриваемые как феномены внешнего предметного мира. В итоге такая психология сама себя признает естествознанием (психофизиологией, психофизикой и т.д.), тогда как лишь философия вообще и философия души в особенности заслуживают названия подлинной психологии. Ее общая задача – познание не единичных душевных явлений, а природы души.

Душа – это “общая, родовая природа мира душевного бытия как качественно своеобразного целостного единства. Метод этой науки есть самонаблюдение в подлинном смысле, как *живое знание*, т.е. как имманентное уяснение самосознующейся *внутренней жизни субъекта* в ее родовой, “эйдетической” сущности, в отличие от внешнеобъектного познания так называемой “эмпирической психологии” [там же, с. 28]. Философская психология как новая наука дает “общее логическое уяснение *идеальной природы и строения душевного мира* и его идеального же отноше-

ния к другим областям бытия" [там же, с. 29] (курсив мой. — А.Б.). Две другие сферы бытия образуют объект 1) миропознания и 2) Богопознания. Миропознание представляет собой совокупность всех реальных наук о конкретно-временной предметной природе, а Богопознание имеет своим объектом царство Логоса или идеального бытия — сферу истины, красоты, добра и их высшего источника или первоединства. Это предмет логики, высшей онтологии, математики, этики, эстетики и религиозной философии. Человек и его внутренний мир лишь отчасти входят в состав 1) природы (и потому становятся объектом естествознания), и вместе с тем человек есть 2) "как бы лишь экран или фон для проявления или уловления идеальных содержаний, которые даны в лице самих объектов логики, математики, эстетики, этики и религии" [там же]. Но этими двумя сторонами человек не исчерпывается. В нем есть еще третья, промежуточная, сторона; благодаря ей он является еще живым конкретным носителем *реальности*, который может вступать в указанные два отношения к обоим разным сферам бытия. Такие области бытия, как наука, искусство, нравственность, общественная жизнь, религия, суть конкретные выражения собственной внутренней природы человека, образующей предмет его самопознания. Но это области бытия, "взятые не со стороны объектов, на которые они направлены, и не со стороны их связи с природой и процесса их внешнего осуществления, а в их собственном внутреннем существе как форме человеческого сознания или человеческой жизни" [там же] (курсив мой. — А.Б.).

Общий итог своей книги о философской психологии Франк закономерно формулирует следующим образом: "...мы приближаемся к древнему, по существу платоновскому пониманию души как посредника между идеальным миром духовного бытия и чувственно-эмпирическим миром временной жизни" [там же, с. 206]. Он всегда и справедливо подчеркивал, что исходной и главной для него является философия Платона (т.е. объективный идеализм) и его продолжателей Плотина и Николая Кузанского. С этих позиций Франк резко и во многом справедливо критикует субъективный идеализм, материализм, позитивизм, эмпиризм, психологизм и т.д. Для него особенно важно, что Платон исходил из представления об идеях как неких объективно, в самих себе сущих вечных образцах или прототипах конкретных вещей временного мира. Эти идеи пребывают в "наднебесном месте". В своих позднейших диалогах Платон все же осознал трудности в понимании и взаимосвязей между такими "наднебесными" идеями, и их отношений к миру. И Франк верно замечает, что возникающую здесь проблематику Платон оставил неразрешенной, а потом некоторые из последователей платонизма зако-

номерно признали такие идеи содержаниями вселенского разума, как бы вечными мыслями или замыслами Бога.

Итак, платонизм составляет исходную и главную основу всей философии Франка, в частности его философской психологии. Именно в этом отношении особенно показательно сопоставление концепций Франка и Рубинштейна, поскольку каждый из них считал весьма существенным преодоление ограниченности субъективного идеализма, материализма, позитивизма, эмпиризма, психологизма и т.д. Но при этом в отличие от Франка Рубинштейн убедительно критиковал также и объективный идеализм (основу антипсихологизма).

Уже в своей рукописи 1917–1918 гг. "О философской системе Г. Когена" (недавно опубликованной благодаря О.Н. Бредихиной) Рубинштейн не соглашается прежде всего с основным положением идущего от Платона и Канта когеновского идеализма: "бытие покоится не в самом себе", поскольку "мысль создает основу бытия"; "бытие не существует, а полагается мыслью" и т.д. (см. [18, с. 138 и след.]). Свою новаторскую альтернативу платонизму Рубинштейн наиболее глубоко и систематично разработал в фундаментальном философско-психологическом труде "Бытие и сознание" (М., 1957). Для его субъектно-деятельностной концепции психическое всегда есть функция мозга, вообще организма, уже изначально возникающая в процессе непрерывного взаимодействия индивидов с *внешним миром* как все более адекватное отражение последнего. Мозг — только орган (не источник) психической деятельности; человек — ее субъект. Поэтому психическое отражение¹ — не пассивное, не зеркальное отображение реальной действительности. У людей оно развивается в процессе изначально практической (затем также и теоретической, но в принципе единой) деятельности, осуществляемой на различных уровнях общения. Следовательно, психическое возникает, существует и развивается не само по себе, не в качестве субстанции, а только как важнейшее качество людей (и животных). Но вопреки мнению большинства современных психологов Рубинштейн убедительно показал, что психическое *нематериально*. Это вовсе не означает, что он тем самым стал идеалистом, хотя столь неожиданная для многих такая его точка зрения обычно считается однозначно спиритуалистической (подробнее см. [17]).

Развивая субъектно-деятельностную теорию во второй половине 1950-х гг., т.е. в последнее пятилетие своей жизни, Рубинштейн обычно использует термины "психическое" (но не психика),

¹ Франк тоже использует термин "отражение" (иногда в позитивном смысле, иногда как объект критики).

“психическое как душевное (но не душа) и как духовное” (но не дух). На мой взгляд, в этой терминологии и вообще в такой системе понятий тоже проявляется стремление преодолеть идущие от платонизма тенденции к субстанциализации психики, души и особенно духа. Душа и дух существуют не сами по себе, а только как различные и очень существенные свойства *психического*, т.е. важнейшего качества *людей*.

Основным гносеологическим отношением является взаимоотношение между субъектом и объектом, а вовсе не между идеей и вещью, между психическим образом и отражаемым в нем предметом. Лишь внутри этого исходного и всеобщего для познания отношения как один из его **моментов** существует отношение образа, идеи, т.е. идеального к материальной вещи. Поэтому для Рубинштейна характеристика психического как идеального относится не ко всему психическому, а к *продукту* или к *результату* психической деятельности – к образу или идее в их отношениях к предмету или к вещи. “Возникновение проблемы идеального, в платонизме недаром было связано с противопоставлением *идей* и чувственно данных *вещей*. Идеальность по преимуществу характеризует идею или образ, по мере того как они, объективируясь в слове, включаясь в систему общественно выработанного знания, являющегося для индивида некой данной ему “объективной реальностью”, приобретают таким образом относительную самостоятельность, как бы вычленившись из психической деятельности индивида” [17, с. 29]. Это положение Рубинштейна имеет принципиально важное значение для преодоления платонизма. Оно утверждает лишь *относительную* самостоятельность идеального (т.е. системы понятий, вообще знаний, созданных человечеством и прежде всего выдающимися деятелями науки, искусства, политики, религии и т.д.). Для любого индивида, усваивающего эту систему знаний, она является объективной реальностью лишь в кавычках, но не в смысле платоновских идей, обособленных от материальных вещей (что, как мы видели, не учитывает Франк).

Образы, идеи (понятия и т.д.), неотрывные в своем гносеологическом содержании от отражаемых ими вещей, создаются только людьми (а не животными, не самими по себе машинами и не Богом), т.е. субъектами, взаимодействующими именно с этими вещами. Все более адекватное объекту содержание образов, идей – вообще идеального – является объективным, т.е. независимым от субъекта, конструирующего систему понятий в процессе деятельности. Независимость их содержания от субъекта определяется их зависимостью от отражаемого ими бытия. (Научные знания зависимы от субъекта в другом смысле: чем более он активен в своей познавательной де-

ятельности, тем более глубоко в этих знаниях раскрывается познаваемый объект.)

Рубинштейн очень последовательно и убедительно показывает, что, каким бы объективным ни было научное знание (идеальное, объективная истина), оно никогда не возникает помимо познавательной деятельности субъекта и не существует безотносительно к ней. В этом своем результативном выражении (как система понятий) через свои продукты психическая деятельность как познавательная деятельность субъекта переходит в нечто качественно иное – в математическое, физическое, психологическое и т.д. знание различных сторон бытия. “Игнорирование этого фундаментального положения, сведение объективного идеального содержания к мыслям индивида, взятых лишь в их зависимости от последовательных стадий мыслительного (психического) процесса, который к ним привел, вне взаимозависимости объективного содержания мыслей, отражающих закономерность объективной реальности, – это суть так называемого психологизма, составляющего ядро субъективного идеализма” [там же, с. 31].

Рубинштейн преодолевает и психологизм, и антипсихологизм (объективный идеализм), очень четко выявляя общую основу этих, казалось бы, взаимоисключающих друг друга философско-психологических направлений. Над ними одинаково довлеет ложная альтернатива, согласно которой “содержание знаний либо объективно – тогда оно существует помимо познавательной деятельности субъекта, либо оно продукт познавательной деятельности субъекта – тогда оно только субъективно. Между тем в действительности никакие идеи, понятия, знания не возникают помимо познавательной деятельности субъекта, что не исключает, однако, их объективности... Всякое научное понятие – это и конструкция мысли и отражение бытия” [там же, с. 32].

Если субъективный идеализм (психологизм) проявляется прежде всего в том, что он чисто субъективистски отрывает психику от внешнего мира, то антипсихологизм объективного идеализма, платонизма состоит в том, что идеи, понятия, содержание научного знания представляются непосредственно интуитивно данными. Поэтому в философии Франка центральное место закономерно занимает интуитивизм. Столь непосредственную интуитивную данность содержания понятий Рубинштейн анализирует на примере концепций Э. Гуссерля, раннего Б. Рассела и других философов, справедливо критиковавших психологизм. Он убедительно показывает, что во всех подобных случаях платонизм начала XX в. по сути дела ликвидирует или очень сильно недооценивает мышление как предмет психологического исследования, поскольку антипсихологизм непре-

вомерно рассматривает сознание индивида как простую проекцию объективного содержания или состава знания.

Известный философ Н.Ф. Овчинников [10, с. 202–203] сопоставляет эту рубинштейновскую критику платонизма со своим анализом знаменитой теории К. Поппера (1902–1994), согласно которой *объективное содержание* мышления (научных идей, произведений искусства и т.д.) составляет так называемый “третий мир” [12, с. 439 и след.]. (Первый мир, или универсум, – это мир физических объектов; второй – мир состояний сознания, психических явлений.) Поппер справедливо отмечает, что его теория отчасти идет от Платона и потому закономерно развивает ее в контексте своей общей установки “эпистемология без познающего субъекта”. И здесь с этим нельзя не согласиться: при *таком* подходе к обсуждаемой проблеме “третий мир”, т.е. научное знание как продукт, результат познавательной деятельности субъекта, уже не нуждается в последнем. И тогда уничтожение субъекта в “третьем мире” закономерно приводит к его изгнанию из теории познания.

Ясно, что иное решение всей этой проблемы дает субъектно-деятельностная концепция, созданная Рубинштейном и некоторыми из его учеников. Как мы уже видели, вся в целом познавательная (и любая другая) деятельность осуществляется только субъектом и в принципе невозможна без него. Это относится, в частности, к мышлению как *деятельности* и к мышлению как психическому *процессу*, но также и к продуктам, результатам мышления [1, 4, 5, 11, 13, 16, 17]. Мышление субъекта как процесс в соотношении с его продуктами составляет исходный предмет *психологии*, а сами по себе эти продукты – понятия, суждения и т.д. (вне связи с психическим процессом) в их соотношениях друг с другом выпадают из сферы психологического исследования и становятся предметом *логики*. Поэтому для субъектно-деятельностной концепции весьма существенно столь принципиальное различие между процессом и его результатом (при всех их взаимосвязях). Но тем не менее оно никак не означает, что эти продукты, результаты начинают существовать вне и без субъекта – в третьем мире Поппера.

Более того, на мой взгляд, не может быть и самого “третьего мира”, как и вообще такого разделения бытия на три. Континуально-генетическая (недизъюнктивная) теория [5, 11, 13] раскрывает очень существенные трудности теоретико-множественного, дизъюнктивного подхода к процессуальности, специфической непрерывности психического. Ряд сильных аргументов в пользу такой непрерывности приводит Франк (что будет проанализировано в другой статье). Поэтому

попперовское деление (в математическом, строгом смысле слова) применительно к психическому и его субъекту в их соотношении с окружающей действительностью недостаточно обосновано в теории “третьего мира”. Идеальное (понятия, вообще знания со стороны их содержания как продукты познавательной активности людей) не есть нечто третье, параллельное, рядоположное и т.д. по отношению к тому, что в них раскрывается, т.е. по отношению к физическим объектам, в целом к природе, а также к людям с их психикой, иначе говоря, к “первому” и “второму” мирам. Здесь нет и не может быть параллелизма, логико-математического соответствия между ними.

Очень показательным, хотя и частным случаем такого соответствия является изоморфизм. Теоретически и экспериментально обосновано [4, 5, 9, 13], что изоморфизм не характеризует очень специфических отношений между психическим образом и отражаемым в нем предметом, между познанием и объектом. Совсем обобщенно это означает, что истина есть адекватность (но не соответствие) познания объективной действительности [17]. Идеальное, вообще психическое нельзя рассматривать как “удвоение” отражаемого, как его зеркальное отображение. Люди (и животные) с их психикой находятся внутри бытия, а не вне его. И Франк, и Рубинштейн убежденно обосновывают это исходное важнейшее положение, хотя, как мы видели, с разных позиций. Например, все живое, обладающее психикой, не создает иной, “второй”, мир по отношению к физическому окружению, ко всей неживой природе. Уже психика животных, точнее – животные с их психикой являются мощной, отнюдь не “потусторонней” силой развития всей природы, всей эволюции, в том числе и “чисто физической” среды (как это хорошо показал А.Н. Северцов). В бесконечно большей степени и качественно иначе то же самое утверждали другие мыслители, особенно В.И. Вернадский относительно человечества: возникает ноосфера, т.е. такое принципиально новое состояние биосферы, при котором разумная деятельность человека становится решающим фактором ее (биосферы) развития. Это единство мира – одного, единого! – очень последовательно и систематически раскрывает Рубинштейн в своей завершающей философской рукописи “Человек и мир” (опубликованной благодаря К.А. Абульхановой-Славской). Главное в его выводах: существует единый мир; “таково само бытие в его становлении и разрушении, включающее человека как *сущее*, осознающее мир и самого себя и потому способное *изменить бытие*, бесконечно *выйти за его пределы*. Таков человек как часть бытия, как единичное существо, сохраняющее свою единичность и поднимающееся до всеобщности” [18, с. 112–113].

Та же проблема единства реальности очень актуальна для Франка. Он решает ее с позиций своей философии Всеединства, отчасти продолжая здесь концепцию В. Соловьева. Для психолога особенно важно, как Франк внутри такого Всеединства раскрывает прежде всего системность душевной и духовной жизни. Душевная жизнь есть, с одной стороны, “лишь обнаружение бесконечной полноты и всеединства чистого Духа и всеобъемлющего изначала бытия”, а, с другой стороны, она, будучи “потенцией ко всему”, может вмещаться в “ограниченную часть телесно-предметного бытия и является нам *малой частицей самого внешнего мира*” [23, с. 205]. В таком ключе он очень детально анализирует психофизическую проблему (отношения между душой и телом), во многом справедливо критикует теории психофизического взаимодействия и психофизического параллелизма (их критикует и Рубинштейн, но с иных позиций [17, 19]), а в итоге стремится выявить единство, даже “монизм” духовного и материального, душевного и телесного. Их единство более конкретно выступает как связь *высших* (душевных), более актуальных, объединенных, слитных проявлений бытия с его *низшими* (телесными), более потенциальными, разобщенными, бесформенно-экстенсивными проявлениями. Высшее состояние оказывает формирующее, целестремительное влияние на низшее состояние; второе, в свою очередь, напротив, действует на первое деформирующим образом. В этом тоже проявляется “падение” души в телесный мир, о котором говорил уже Платон.

Душевное и душа и тем более духовное, дух составляют внутреннее существо человека и действуют через “центр человеческой личности”. В этом контексте Франк очень остро и во многом верно ставит вопрос о творческой природе человека (см., например, его последнюю, уже посмертно опубликованную книгу “Реальность и человек” [23]). Эта “творческость” означает, что человек не может перестать быть личностью, а потому он всегда вкладывает хотя бы “минимальный момент творчества” в свой труд. “Творческий элемент присущ далее всякому познанию” [там же, с. 364]. На мой взгляд, процитированное положение становится существенным аргументом в обосновании общего вывода о том, что любое мышление у любого человека хотя бы в минимальной степени является творческим, продуктивным и, стало быть, нет необходимости – вопреки традиционной точке зрения – делить мышление на творческое и репродуктивное [4, 5].

Свою теорию творчества Франк разрабатывает и применительно к межличностным отношениям. Он справедливо отмечает, что “всякий человек, вносящий отпечаток своей личности в окружающую его среду, всякая жена и мать, вносящая какой-то свой собственный нравствен-

ный стиль в жизнь семьи, свой эстетический стиль в домашнюю обстановку, всякий воспитатель детей есть уже творец” [23, с. 365]. Он глубоко раскрывает сложнейшую диалектику взаимосвязей между “я”, “ты” и “мы”. Правда, здесь, как и везде в его философской психологии, он видит основу отношений между людьми главным образом в плане их сознания, самосознания и подсознательного без должного учета их практической (трудовой и т.д.) деятельности (ср. [25]). Он, естественно, очень далек от методологического принципа (изначально практической) *деятельности*, разработанного в психологии С.Л. Рубинштейном, М.Я. Басовым, А.Н. Леонтьевым, Б.М. Тепловым, А.А. Смирновым, Б.Г. Ананьевым и многими другими учеными [13].

Все его во многом новаторские и очень перспективные теории души, творчества, любви, общения, непрерывности (“сплошности”) психики, единства реальности и т.д. в конечном счете приведены им к одному и тому же “знаменателю”: “Бог есть единственный первоисточник, единственная первооснова всяческого бытия” [23, с. 427]. Франк закономерно приходит к такому результату, поскольку, как уже говорилось, он изначально основывает всю свою философию и философскую психологию на платонизме, особенно на новоплатонизме и христианском платонизме от Плотина до В. Соловьева. И он сам отмечает, что “философия здесь в принципе совпадает с умозрительной мистикой” [21, с. 183].

Как известно, мистика – это религиозная практика, имеющая целью переживание в экстазе “непосредственного единения” с Богом, а также совокупность теологических и философских доктрин, оправдывающих и осмысляющих такую практику (см., например, [3, с. 738]). Об отношении науки к мистике очень хорошо говорили некоторые философы и психологи еще в начале нашего века. Например, Э.Л. Радлов писал в 1913 г.: “Всякая мистика всегда есть нечто алогичное, неразложимое, не поддающееся строгому анализу; поэтому в науке мистика недопустима” [14, с. 391].

Я с глубоким уважением отношусь к верующим и к религиозной вере, но целиком разделяю общий и давний вывод о принципиальном различии между научным знанием и верой (религиозной). Как известно, проблема души, духа, вообще психики ставится и решается в обоих этих случаях существенно по-разному. Такие различия можно и нужно изучать. Для научной психологии человека, как уже говорилось, душа, дух, душевное, духовное и т.д. – это не надпсихическое и не “наднебесное”, а разные качества *психического* как важнейшего атрибута *субъекта* (т.е. людей, но не животных, не машин и не Бога). Субъектно-деятельностная концепция в психологии исходит из

общего принципа "Вначале было дело" (die Tat – Гете), но не из главного для Франка положения Библии о том, что "Вначале было слово (логос и т.д.)". На этой основе глубоко решаются (теоретически и экспериментально) вопросы о том, материальна психика или не материальна (см. выше), что такое интуиция (которая вовсе не есть божественное откровение) и т.д. Особое внимание уделяется изучению реальных жизненных условий, при которых люди (дети и т.д.) начинают верить в Бога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. О субъекте психической деятельности. М., 1973.
2. Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности. М.–Воронеж, 1999.
3. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М.–СПб., 1997.
4. Брушлинский А.В. Психология мышления и кибернетика. М., 1970.
5. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.–Воронеж, 1996.
6. Брушлинский А.В. Андеграунд диамата // Независимая газета. 16 июня 1999 (приложение "Наука").
7. Гайденко П.П. Метафизика конкретного всеединства, или Абсолютный реализм С.М. Франка // Вопросы философии. 1999. № 5.
8. Евлампиев И.И. Человек перед лицом абсолютно-го бытия: мистический реализм Семена Франка // Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб., 1995.
9. Ломов Б.Ф. Системность в психологии. М.–Воронеж, 1996.
10. Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки. М., 1997.
11. Мышление: процесс, деятельность, общение. М., 1982.
12. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.
13. Психологическая наука в России XX столетия. М., 1997.
14. Радлов Э.Л. Философский словарь. М., 1913.
15. Российский менталитет. М., 1997.
16. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
17. Рубинштейн С.Л. Избр. философско-психологические труды. М., 1997.
18. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
19. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 4-е изд. СПб., 1999.
20. Франк С.Л. Духовные основы общества. Нью-Йорк, 1988.
21. Франк С.Л. Сочинения. М., 1990.
22. Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.
23. Франк С.Л. Реальность и человек. М., 1997.
24. Bunge M., Ardila R. Philosophy of Psychology. New York, 1987.
25. Moscovici S. Social Consciousness and Its History // Culture and Psychology. 1998. V. 4. № 3.

PHILOSOPHY AND PSYCHOLOGY: S.L. RUBINSTEIN AND S.L. FRANK

A. V. Brushlinsky

Corr. member of RAS, director of Institute of Psychology RAS, Moscow

The systematic juxtaposition of S.L. Rubinstein's and S.L. Frank's theories has been begun for the first time. It was shown that the both authors deeply revealed the specific character of human mind but each of them did it differently: S.L. Frank thought in terms of Platonism and S.L. Rubinstein reasoned from the positions of subject-activity approach. The relation between anti-psychologism (Platonism) and psychologism has been analyzed in relevance to the theory of the "third world" of K. Popper.

Key words: subject, activity, psychology and logic of thinking.

ПСИХОЛОГИЯ
И ГУМАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В XXI в.¹

СООТНОШЕНИЕ ЭГОЦЕНТРИЗМА И АЛЬТРУИЗМА ЛИЧНОСТИ:
ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

© 1999 г. А. Н. Славская

Канд. психол. наук, науч. сотр. ИП РАН, Москва

Рассматриваются проблемы соотношения эгоцентризма и альтруизма личности. Прослеживается их развитие, возникающие противоречия, которые разрешаются интерпретациями на уровне сознания и экзистенциальных способов связи личности с миром. Реконструируются теоретически в терминах онтогенеза основные функции интерпретации в обеспечении самовыражения, идентичности, особенностей внутреннего мира личности и этапов развития ее “Я”.

Ключевые слова: интерпретация, субъект, обобщение, конкретизирующая абстракция, экзистенциальность, определенность, самосознание, саморегуляция, самовыражение.

Психология российской личности сегодня – одна из решающих жизненных проблем самой личности и общества в целом. Необходимое для ее нормального психического состояния соотношение времен – прошлого, настоящего и будущего – сужено только до настоящего: не для каждого прошлый опыт оказался пригодным в новых условиях, а жизненная перспектива, связанная с будущим общества, закрыта или неопределенна. Но для того, чтобы жить и действовать, нужна определенность. Если же ее нет в окружающей действительности, если каждый шаг в ней – эксперимент с неизвестным исходом, а для каждого нового дня опыт вчерашнего уже непригоден, то эту определенность личность может обрести, полагаясь только на саму себя.

При отсутствии концепции современного общества особенно необходима концепция собственной жизни (определение человеком своего способа жизни, его связи с другими людьми, размещенности в социальном, профессиональном пространстве). Эта концепция вырабатывается сознанием личности. В отличие от подходов к сознанию как к абстракции С.Л. Рубинштейн определил его как присущую человеку способность регулировать свое соотношение с миром и тем самым открыл перспективу психологическому исследованию сознания как *жизненной способности личности*. Ключевой для этих исследований явилась данная С.Л. Рубинштейном характеристика сознания как субъективного [7]. Именно эта характеристика позволяет по-новому осмыслить уровневую структуру сознания, к которой при-

влекли внимание (каждый по-своему) З. Фрейд, К. Юнг и другие психологи. Фрейд выявил закономерные для всех людей универсальные соотношения сознательного и бессознательного. Юнг – их типологические, личностные особенности, связанные с экстра- и интроверсией, которые соотносятся с психическим складом восточного и западного типов личности, выявив у каждого ведущую роль бессознательного (архетипического) или сознательного (рационального) уровней в их самоорганизации и организации своей жизни [17].

Определение сознания как высшей жизненной способности личности позволило включить в число его процедур *интерпретацию* и подойти к изучению ее психологической сущности и жизненных функций [1, 9, 10]. Одновременно постепенный отказ методологии науки от рассмотрения чистой логики знания, преобладания теорий, введение П. Файерабендом фигуры ученого как автора определенной теории, имеющего свое конкретное мнение, а М. Полани – категории “личностного знания” позволили перейти от абстракций текста и определения интерпретации только как его понимания к раскрытию ее как *способности субъекта вырабатывать свое мнение*, т.е. *интерпретировать*.

Герменевтическое понятие интерпретации на основе раскрытия ее психологического содержания и личностной функции преобразовалось в понятие *субъекта интерпретирования*, что позволило учесть и ввести в контекст рассмотрения задач интерпретирования *способ жизни субъекта*.

Примером глубочайшего различия масштабов этого контекста, проявившегося в способе и содержании интерпретирования, явилось разногласие К.С. Станиславского и А.П. Чехова, возникшее по поводу его пьесы “Вишневый сад”. Чехов писал ее в последние дни своей жизни.

¹ Рубрика поддержана “Институтом Открытое общество. Фонд содействия” (грант НАД807).

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 97-06-08193).